

УДК 330

ПРОБЛЕМА ПРИНЦИПА ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ В ЭКОНОМИКЕ

Трынкин В.В.

ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина Минобразования России», Нижний Новгород, e-mail: protector@live.ru

В тексте статьи исследуется принцип предельной полезности, обоснованный учением «Экономикс». Обозначается широкое применение выводов учения «Экономикс» и, в частности, принципа предельной полезности, в строительстве современных экономик мира. В ходе проведённого анализа выясняется, что фактическое развитие экономик мира, несмотря на внешнюю надёжность учения «Экономикс», приостановило своё движение вперёд. В целях обнаружения причин уязвимости учения «Экономикс», исследуются основные постулаты, а также вытекающие следствия из факторов обоснования принципа предельной полезности. Благодаря проведённому анализу делается вывод, что в совокупности аргументов учения «Экономикс» допущен ряд существенных просчётов, вследствие чего принцип предельной полезности приобретает весьма сомнительный теоретический вес, не помогая, а затушёвывающая перспективы подлинного развития экономических отношений.

Ключевые слова: Экономикс, предельная полезность, ТНК и естественные монополии, причины экономического застоя

THE PROBLEM OF MARGINAL UTILITY IN ECONOMY

Trynkin V.V.

FGBOU VPO «THE Nizhny Novgorod State Pedagogical University. K. Minin. The Ministry of education of Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: protector@live.ru

In the text of the article explores the principle of marginal utility, sound teaching «Economics». Is indicated by the wide application of findings the teachings of «Economics» and, in particular, the principle of marginal utility, to build modern economies in the world. In the course of the analysis carried out shows that the actual development of the economies of the world, despite the apparent reliability of the teachings of «Economics», has suspended his movement forward. In order to detect causes of vulnerability «Economics», explores the basic principles, as well as under the investigation of the factors justifying the principle of marginal utility. Thanks to the survey analysis it is concluded that the combined arguments «Economics» has a number of significant assertions and therefore the principle of marginal utility becomes very dubious theoretical weight, not helping, and rubbed prospects for genuine development of economic relations.

Keywords: Economics, marginal utility, market equilibrium, TNCs and natural monopolies, the causes of economic stagnation

Каждая экономика мира стремится к максимальной эффективности и полезности. Этой цели в полной мере способствует, как утверждается, принцип предельной полезности, окончательно оформившийся за последнее столетие в учении «Экономикс», который обещает людям гармоничное состояние рынка, полное согласие спроса и предложения [6, 76]. Благодаря «невидимой руке» А. Смита, рынок способен регулировать сам себя, без внешнего вмешательства, и в то же время, благодаря его механизмам, заключается своеобразный пакет соглашений между продавцами и покупателями [10, 10]. Поэтому экономики стран мира ныне активно сориентированы на внедрение принципа полезности в широкую практику соотношения экономических и политических систем. В то же время при внимательном рассмотрении оказывается, что и постулаты учения «Экономикс» в отношении к принципу предельной полезности, а также многочисленные факты его применения далеки от исходных заявлений. Одновременно, при всех благих пожеланиях, сегодня не приходится говорить о настоящем благополучии мировых

экономик, постоянно находящихся на грани или скатывающихся в ту или иную полосу кризиса. Изучению данных проблем и будет посвящена данная статья.

При первых шагах погружения в теорию Экономикса выясняется, что равновесию интересов продавца и покупателя противопоставлен командир-потребитель. Именно потребитель, как утверждается, превращает бедных в богатых, а богатых в бедных, поскольку именно потребление присваивает производству степени ущербности или превосходства [12, 1204]. Малейшие жалобы потребителя – вроде бы, «ЧП» при их возникновении, и производители не имеют права оправдываться, стараясь безоговорочно исправлять положение. А если кто-то перестаёт считаться с интересами потребления, оно наказывает данных лиц потерей достатка [8, 255]. Т.е. внешне заявленная гармоничность отношений между продавцами и покупателями превращается при первом приближении в одноплановую зависимость производства от потребления.

Появившийся неожиданный ракурс в теории Экономикса приобретает, с её точки

зрения, свои достоинства: если главенствует потребительная стоимость, с нею, прежде всего, согласуется стоимость меновая [5, 692]. А она становится некой формой как бы универсального коэффициента рыночных взаимоотношений, «вокруг которого вращается вся логика экономических феноменов» [12, 1201–1202]. И благодаря меновой стоимости условно нарушенное равновесие меж продавцами и покупателями, вроде бы, вновь восстанавливается.

При господстве меновой стоимости главной её рыночно-сигнальной природой становятся цены [9, 67]. Цены, по версии экономистов-рыночников, – не сиюминутное отношение, они повсеместно вторгаются в производство, наводя в нём всеобщий порядок. Высокие цены стимулируют производство, хотя и снижают объём покупок товаров данного производителя, заставляя его умерить свои запросы. Заниженные цены стимулируют покупателя, но производитель сталкивается с ростом собственных убытков [9, 68]. Таким способом, внушает рыночная теория, цены уверенно регулируют структуру производства, обеспечивая своевременную и верную его реконструкцию [8, 369]. Более того, если цены предписывают правила развития производства, то у них же – главная роль при распределении ресурсов [10, 9]. И этот своеобразный гимн ценам, видимо, не случаен. Цены, при первом приближении, словно оживая, удивительно умны, прозорливы и даже беспристрастны в своей рыночно-регулятивной миссии.

Теория предельной полезности тем самым вновь возрождает статус гармоничной регулятивной рыночной стихии, предопределяя миссию влияния цен на многофакторную жизнь производства [12, 1204]. Заслуга такого аналитического прозрения связана с именем Менгера, хотя трудились во славу идеи предельной полезности многие специалисты-рыночники, посвящая её комментариям подчас целые тома [см., например: 6, 31]. И в подобных исследованиях многократно напоминает: все условия производства неуклонно зависят от закона предельной полезности, то есть от ориентации на рыночные цены, на запросы потребителя [12, 1215]. Принципом предельной полезности пытаются предопределить даже деятельность монополий [13, 59]. Мол, ориентируясь исключительно на данный критерий, ТНК осуществляют мощную координацию своих предприятий в регионах: учитывая ценовую политику, приостанавливают выпуск одной продукции и запускают другую в разных точках мира.

Вглядываясь в сущность принципа предельной полезности, с некоторым недоуме-

нием обнаруживаешь, что на высшем выражении развития рыночной теории этот принцип распространился даже на «феномены формирования доходов», а проще – на меру потребления продукции производств домохозяйствами [12, 1204]. То есть потребление, всесторонне регулировавшее производство, по какой-то причине принялось регулировать также и само себя.

Учитывая, что перед нами как бы всесторонне обоснованный рыночный принцип, можно в конце концов согласиться с его завершённой моделью, в которой «весь аппарат чистой экономической теории унифицируется в свете единого принципа» [там же]. А коли так, почему бы, вслед за Госсеном не предположить, что учение «Экономикс» победило классическую экономику, переводя стрелки с приоритета производства на приоритет потребления, совершив тем самым как бы Коперников переворот в теории и практике экономических отношений [12, 1211–1212].

Правда, у любого примирения с чужими странностями есть предел. Этим пределом как раз и явилось стремление рыночников к господству потребления как главному критерию оценки производства, господству потребления, как опоре ценовой политики и распределения ресурсов и, как ни странно, господству потребления даже над самим собой. Потребление-критерий, признанное верховной судящей инстанцией над всеми процессами производства, оказалось одновременно судимым, причём роль оценивающего судьи досталась тому же самому потреблению. Внешне фигура эта предстала в виде бесконечно вращающегося круга, вне присутствия для него каких бы то ни было критериальных опор. А это значит, что единый принцип Экономикса именно в принципиально-критериальном плане превратился в полную беспринципность.

Жизнь обязывает выдвинуть в противовес Экономиксу другую убеждённость: ныне движет экономикой энергичное предложение. Так, внешне обыкновенной рекламе производителей товаров Экономиксом прямо-таки приказывается быть навязчивой, соблазняющей, пробуждающей низменные, почти звериные инстинкты [8, 301]. Нам скажут, что от рекламы можно отмахнуться, не обращать на неё внимание. Однако в когорте производителей наиболее агрессивны ТНК: а они, манипулируя рекламой, в то же время практически беспрепятственно повышают цены, привязывают население слабых стран к своим полуфабрикатам, уверенно защищают свой экономический курс [2, 125]. ТНК также могут ввести в обращение негодные товары (аптечный,

видеофильмовый и прочий контрафакс), и никто в этом не признается [2, 262]. В связи с ТНК рождается явная дисгармония отношений между покупателями и производителями, когда агрессивные и безнаказанные атаки производителей приводят к полному подавлению инициативы покупателя.

Экономикс вопреки вполне явным реалиям рынка продолжает учить всех и вся: при равновесной экономике потребление и производство взаимодействуют стабильно, предприятия работают без затоваривания. Только вот желанная равновесность – пока только лишь частная, на мгновения возникающая форма экономических отношений, но вовсе не общая форма, не универсальная [3, 124]. Для превращения равновесности в явно секвестрированный вид есть, кроме субъективных, также ряд объективных причин. Одна из них – ажиотажные нововведения, когда производители, действительно обновив товар, монопольно завышают на него цены. Рядом с фактором технического прогресса производства соседствуют факторы регрессивного порядка, перед которыми покупатели, а, точнее, основное население также практически бессильно. С одной стороны, фирмы не стремятся улучшить экологические параметры производства из-за удорожания процесса устранения загрязняющих отходов [10, 239]. С другой стороны, используя фактор монопольного производства нужных в хозяйстве товаров, фирмы и компании продавливают свои решения в регулятивных структурах, и тогда процессам загрязнения экологии придаётся отчасти официальный статус. Природе и людям, как всем ясно, вредны кислотные дожди, химические отравления атмосферы, загрязнения рек и мирового океана опасными отходами производств. Но потребители, граждане той или иной страны, часто предотвратят эти процессы не в состоянии. Соответственно, при ухудшающейся экологии всякое рыночное равновесие устраняется [9, 71]. Потому ООН вынуждена была констатировать: при безнаказанности монополий рынка главенствуют технологии, истощающие ресурсы планеты [14, 182]. Резко нарушается ценовое равновесие при эпидемиях, когда силы страны обеспечивают восстановление главного – самой жизни. Но мир предложения именно в периоды бед навязывает людям, находящимся в состоянии несчастья, не всегда годные товары и по существенно завышенным ценам. Столь же нелепо оглядываться на рыночную стабильность при военной угрозе, тем более при масштабной обороне той или иной страны от прямой военной агрессии.

При оценке действительных событий жизни оказывается, что знаменитая «невидимая рука» рынка, утверждающая фактор равновесия в товарообменных процессах, проявляет себя «лишь в очень ограниченных условиях» [9, 320]. А убеждённый в правоте своих выводов Экономикс энергично развивает равновесно-рыночную фантазию в каком-то мало реальном мире. В этом виртуальном пространстве Экономикс готов опираться на мельчайшие сигналы спроса/предложения, которые фактически складываются в чрезвычайно мозаичную, во многом случайную картину экономических отношений. Именно поэтому прогнозы ведущих специалистов относительно грядущих событий в экономиках мира и в глобальной экономике планеты статистически равны пропорции 50/50%, уподобляясь гаданию на кофейной гуще. Так создаётся, а, может быть, невольно фабрикуется сомнительный фундамент новейшей экономической теории.

Стоит обратить внимание и на то, что едва ли правомерная идея равновесия спроса/предложения прививается в качестве главного ориентира плеяде подрастающих экономистов. Подобным способом их обучают необъятной совокупности непрерывно меняющихся, микроскопических сигналов. Те же малосущественные, во многом случайные сигналы фактически навязывают обществу, которое приучают следить с нездоровым азартом за постоянно скачущими индексами мировых бирж.

В этой связи возникает предположение, что фактические регуляторы экономики, действительные причины их действия, а также подлинные аналитические критерии, реальные предписания, соотносящиеся с главными целями развития человечества, остаются пока в тени либо вовсе игнорируются Экономиксом.

Для оценки фактического состояния экономики предельно важно учитывать социально-экономические структуры той или иной конфигурации, которые осуществляют ныне сложнейшее государственно-рыночное взаимодействие. Самыми устойчивыми из таких структур являются естественные монополии, создающие необходимейшие условия жизни общества, например, электроэнергетику, железнодорожный транспорт, тепло-, газоснабжение и т.п. В этой связи чрезвычайно странно то, что деятельность и мощи естественных монополий Экономикс словно не замечает, считая истинный индивидуализм в конкуренции, якобы, главной движущей силой «спонтанных социальных образований» [11, 31]. Теоретики Экономикса даже упорствуют,

настаивая и на индивидуалистической основе общества, и на его спонтанности. Экономиксу почему-то всё видятся небольшие общины да местные автономии [11, 42], а не колоссальные субъекты производства, коими фактически являются естественные монополии.

В соответствии с данной аксиомой Экономикса, конкуренция меж отдельными предпринимателями в сфере отношений между спросом и предложением способна, якобы, оставить позади даже монополиста, который при слабом спросе на свой товар окажется в убытке [4, 101]. Формально эта точка зрения, вроде бы, приемлема, поскольку тот или иной монополист, устанавливая завышенные цены, окажется, по идее, в зависимости от оценки товара покупателем. Но ранее замечено: естественные монополии создают предметы первой необходимости, и население при любых обстоятельствах вынуждено приобретать подобные товары по установленным ценам, включая самые высокие [7, 172]. В России, например, в период распушенной либерализации, нефтедобыча, её переработка, топливная промышленность увеличили цены в десятки тысяч раз [15, 116]. И не было никаких ни рыночных, ни потребительских сил, чтобы приостановить, затормозить, обернуть вспять этот, совершенно искусственный, рост. Монополистам, вразумляет Экономикс, неизвестна будущая реакция потребителей на повышение цены [8, 340], что, якобы, обяжет их действовать осторожно, с безусловной оглядкой на запросы потребителя. Но экономическая практика принципиально иная: естественных монополистов реакция потребителей на повышение их монопольных цен просто не интересует. Они спокойно и методично наращивают ценовое давление на людей.

При ныне сложившихся, Экономиксом обоснованных рыночных критериях социально-экономических отношений сознание общества оказывается в тупике: с одной стороны, без естественных монополий (электроэнергетики, тепло- и газоснабжения, железных дорог) обойтись крайне трудно [15, 117]. С другой стороны, с естественными монополистами при их масштабах и господствующем положении, никто конкурировать не в состоянии. И расчленить их на рыночные сегменты часто бывает невозможно. Нелепы, например, попытки внедрения конкуренции меж грузовыми и пассажирскими компаниями на базе единой инфраструктуры [15, 119–120]. А там, где внешнее расчленение некоторых монополий допустимо, они не перестают

оставаться в системе олигопольного ценового сговора.

Сложившаяся практика общества строить отношения с естественными монополиями такова: общество в растерянности и беспомощности взирает на произвол естественных монополистов, а они подчас свободно и безнаказанно эксплуатируют народ [8, 769]. Население несёт колоссальные убытки, когда, например, за пятилетие (в 90-е – 2000-е годы) цены на ЖКХ возрастали в 4506 раз; на газ в 3254, на горячую воду в 2700 раз [1, 113]. А тут же, на глазах у беспомощного населения, понятно на какие средства возникали и возникают шикарные, экзотические, мгновенно строящиеся лабиринты высотных штабов и загородных поместий естественных монополистов. Менеджеры естественных монополий в отличие от напряжённо работающих коллективов своих монополий, а, тем более, населения той или иной страны, живут беспечно и беспредельно обеспеченно, без всякого рыночного риска. Круговая защищённость естественных монополистов от рыночной конкуренции способствует их лени и кумовству – в России, например, Правительству было вынуждено пресекать практику «золотых парашютов», т.е. безмерных вознаграждений покидающим компанию топ-менеджерам. Невольно появляется знаковое предостережение А. Ослунда о том, что неуёмное воровство олигархов естественных монополий становится настоящей раковой опухолью общества, способствуя его дальнейшему разложению.

Потому, когда общество оказывается перед необходимостью ответа на вызовы ухудшающейся экологии, истощающихся природных ресурсов, когда замедляется и останавливается экономическое развитие общества в целом, основные экономические угрозы его интересам исходят именно олигархов от естественных монополий. Возможен ли кардинально иной теоретико-практический подход к развитию экономических отношений? Безусловно. Но это тема отдельного и весьма развёрнутого рассмотрения.

Список литературы

1. Белая книга: Экономические реформы в России 1991–2002 гг. / С. Глазьев и др. – М., 2004. – 412 с.
2. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М., 1979. – 406 с.
3. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. – М., 1993. – 544 с.
4. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х тт. – Т.1. – М., 1992. – 399 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 3. – М., 1970. – 463 с.

6. Маршалл А. Принципы политической экономии. – Т. 2. – М., 1984. – 310 с.
7. Маршалл Альфред. Принципы экономической науки. – Т. 1. – М., 1993. – 415 с.
8. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – М., 2005. – 878 с.
9. Самуэльсон Пол, Нордхаус В. Экономика. – М., 1997. – 1260 с.
10. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – М., 1999. – 974 с.
11. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М., 2001. – 254 с.
12. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3-х тт. – СПб., 2001. – 1234 с.
13. Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995. – 184 с.
14. Экономическая теория на пороге XXI века. – Т.2. – М., 1998. – 792 с.
15. Ясин Е. Новая эпоха – старые тревоги: экономическая политика. – М., 2004. – 456 с.
7. Marshall Alfred. Principles of economic science. Vol. 1. M., 1993. 415 p.
8. Mises L. Human activity: a treatise on economic theory. M., 2005. 878 p.
9. Samuelson Paul, Nordhaus V. Economics. M., 1997. 1260 p.
10. Fisher, S. Dornbusch R., Šmalenzi R. Economy. M., 1999. 974 p.
11. Hayek F.A. Individualism and economic order. M., 2001. 254 p.
12. Schumpeter J. A. History of economic analysis. In 3 's VV. Vol. 3. St. Petersburg. 2001. 1234 p.
13. Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. M. 1995. 184 p.
14. The economic theory on the threshold of the 21-st century. In 2-tt. M., 1998. 792 p.
15. Yasin E. New age – old anxiety: economic policy. M., 2004. 456 p.

References

1. Glazyev S., etc. White paper: economic reforms in Russia 1991–2002 gg. M., 2004. 412 p.
2. Galbraith Dzh. Economic theories and goals of the society. M., 1979. 406 p.
3. Keynes Dzh. M. selected works. M., 1993. 544 p.
4. McConnell K. R., Bru S.I. Economics: principles, problems, and policies. In 2-tt. T. 1. M., 1992. 399 p.
5. Marx K. Capital. Critique of political economy. Vol. 3, 1970. 463 p.
6. Marshall A. Principles of political economy. Vol. 2. M., 1984. 310 p.

Рецензенты:

Сулима И.И., д.филос.н., ведущий научный сотрудник лаборатории гражданского становления личности, ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», г. Нижний Новгород;

Пушкин С.Н., д.филос.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Приволжский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», г. Нижний Новгород.

Работа поступила в редакцию 16.09.2013.